

УДК 001:165.0

**НОРМЫ НАУЧНОЙ РАЦИОНАЛЬНОСТИ И ПЕРСПЕКТИВЫ
АКАДЕМИЧЕСКОГО ДИСКУРСА (К 100-ЛЕТИЮ БГУ)****В. С. САЙГАНОВА¹⁾, Е. В. БЕЛЯЦКАЯ¹⁾, Д. А. МОЗАЛЕВСКАЯ¹⁾**¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Рассматриваются основные подходы к изучению норм научной рациональности в контексте перспективных направлений академического дискурса. При его проведении в современном университете необходимо опираться на науку и соблюдать нормы научной рациональности, которые выступают в качестве неотъемлемого компонента академического дискурса. Подчеркивается эвристический потенциал синергетической, пластичной, социокогнитивной и коммуникативной моделей рациональности. Обосновываются ориентиры нового типа рациональности и перспективные направления научного поиска. Новый тип рациональности, расширяя возможности для ее интерпретации через дискурсивные практики, коммуникативные характеристики, академические нормы и правила, открывает себя в современности как субъект-субъектная рациональность. Университет выступает значимым субъектом интеракции в коммуникационном поле современной культуры и является носителем научной рациональности, эксплицируемой в объективных устойчивых характеристиках научной и образовательной деятельности, а также в открытости инновационным размерностям, существующим в настоящее время.

Ключевые слова: академический дискурс; коммуникативный анализ; научная рациональность; нормы научной рациональности; синергетический стиль научного мышления; социокогнитивная парадигма; новый тип рациональности.

**NORMS OF SCIENTIFIC RATIONALITY AND PROSPECTS
OF ACADEMIC DISCOURSE (TO THE 100th ANNIVERSARY
OF BELARUSIAN STATE UNIVERSITY)****V. S. SAIGANOVA^a, E. V. BELYATSKAYA^a, D. A. MOZALEVSKAYA^a**^aBelarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

Corresponding author: V. S. Saiganova (veros23@yandex.ru)

The article discusses the main approaches to the study of the norms of scientific rationality in the context of promising areas of academic discourse. The academic discourse of the university is impossible without reliance on science and adherence to the norms of scientific rationality. The heuristic potential of synergetic, plastic, sociocognitive and communicative

Образец цитирования:

Сайганова ВС, Беляцкая ЕВ, Мозалевская ДА. Нормы научной рациональности и перспективы академического дискурса (к 100-летию БГУ). *Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология.* 2021;3:21–25.

For citation:

Saiganova VS, Belyatskaya EV, Mozalevskaya DA. Norms of scientific rationality and prospects of academic discourse (to the 100th anniversary of Belarusian State University). *Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology.* 2021;3:21–25. Russian.

Авторы:

Вероника Святославовна Сайганова – кандидат философских наук, доцент; заведующий кафедрой философии культуры факультета философии и социальных наук.

Елизавета Владимировна Беляцкая – магистрант кафедры философии и методологии науки факультета философии и социальных наук. Научный руководитель – кандидат философских наук, доцент В. В. Анохина.

Даниэла Андреевна Мозалевская – магистрант кафедры философии и методологии науки факультета философии и социальных наук. Научный руководитель – кандидат философских наук, доцент Д. Г. Добродородный.

Authors:

Veronika S. Saiganova, PhD (philosophy), docent; head of the department of philosophy of culture, faculty of philosophy and social sciences.

veros23@yandex.ru

Elizaveta V. Belyatskaya, master's degree student at the department of philosophy and methodology of science, faculty of philosophy and social sciences.

beliatskaya@bsu.by

Daniela A. Mozalevskaya, master's degree student at the department of philosophy and methodology of science, faculty of philosophy and social sciences.

14daniela1999@gmail.com

models of rationality is emphasised. The guidelines of a new type of rationality and promising directions of scientific research are substantiated. A new type of rationality opens itself up in modern times as a subject-subjective rationality, expanding the possibilities for interpreting rationality through discursive practices, communicative characteristics, academic norms and rules. The university acts as a significant subject of interaction in the communicative sphere of modern culture and is the bearer of scientific rationality, expressed in objective stable characteristics of scientific and educational activities, as well as in openness to new dimensions and innovations of the modern world.

Keywords: academic discourse; communication analysis; scientific rationality; norms of scientific rationality; synergistic style of scientific thinking; sociocognitive paradigm; new type of rationality.

В 2021 г. исполняется 100 лет со дня создания Белорусского государственного университета. Вся история становления и развития научно-исследовательской и образовательной деятельности данного высшего учебного заведения демонстрирует формирование уникального академического дискурса, характеризующего БГУ как лидирующий университет Республики Беларусь, и закрепляет за ним статус флагмана белорусской науки и образования. В текущем году БГУ, получив высокую оценку по количественным и качественным критериям студенческого и преподавательского состава, научной цитируемости, заключению академических экспертов, работодателей и другим показателям, вошел в 1 % лучших вузов мира в глобальном рейтинге университетов QS. Значимость академического дискурса в современном университете обусловлена взаимной связью между академической культурой и наукой, а также научной рациональностью. Академический дискурс невозможен без опоры на науку и соблюдения норм научной рациональности. По этой причине данные нормы выступают неотъемлемым компонентом академического дискурса, который имеет важное значение в формировании нового типа рациональности.

В философии и методологии науки тема рациональности постоянно претерпевает обновление и обнаруживает свое значение не только в научной, но и в академической практике. В силу сложности и противоречивости статуса научной рациональности, занимающего определенное место в культуре, проблема норм научной рациональности приобретает широкую популярность среди ученых и репрезентирует многочисленные попытки интерпретации смыслового содержания этих норм, а также новые исследовательские ориентиры в понимании их динамики. Таким образом, возникает необходимость в концептуальном осмыслении норм научной рациональности в контексте перспективных направлений академического дискурса.

При анализе научной рациональности современного типа перед исследователями встает задача включить в осмысление рациональности аксиологические, этические, социально-личностные компоненты и отказаться от жестких критериев и нормативов научной деятельности, характерных для классического естествознания. Сегодня социально-гуманитарное знание находится в процессе самопоиска и самоопределения, что связано с амбивалент-

ной зависимостью общества от научно-технических достижений и их последствий. В современных реалиях непредсказуемость природных и социальных процессов становится все более очевидной и нуждается в рациональной интерпретации.

В целях представления результатов научного знания проявившая себя в XX в. критика рациональности, ее основ, критериев и научной составляющей актуализировала вопрос о систематизации норм научной рациональности и социальных, академических институтов, которые могут им соответствовать. Пройдя путь исторического развития, определение научной рациональности приобретало содержательное наполнение и в настоящее время может быть сформулировано как совокупность норм и методов научного исследования, фиксируемая в определенном типе методологической рефлексии или стиле научного мышления [1, с. 14]. Исходя из такого понимания научной рациональности, ее нормы, во-первых, могут выступать в качестве критериев научности, стандартов, канонов, идеалов, императивов или регулятивов научной деятельности, т. е. в виде определенных понятийных конструктов, отражающих специфику данной рациональности в различных ее проявлениях; во-вторых, способны включать определенные санкции, позволяющие специфицировать то или иное знание как научное или ненаучное, рациональное или нерациональное [2, с. 40].

Современный тип рациональности не имеет строгих рамок дисциплинарного знания, в результате чего происходит взаимодействие и обмен между научными областями. По мере развития возможностей познания объектами становятся мега-, макро- и микромиры. В достижении объективного знания, особенно в познавательном процессе, учитывается влияние субъекта, его средств и процедур. В. С. Стёпин подчеркивает важность и целесообразность научного поиска, который должен осуществляться в соответствии с социальными целями, ценностями и идеалами субъекта. Кроме того, рациональность не статична, а динамична, т. е. каждый компонент научной деятельности рассматривается с точки зрения исторической изменчивости развития и во взаимосвязи с другими компонентами [3, с. 121–124]. В этом плане деятельность науки не может быть замкнутой, поэтому в общем поле научно-академического дискурса оказываются дисциплины гуманитарного, естественного, технического профилей.

Такой комплексный подход способствует переходу от частнонаучных социальных институтов к общенаучным, где вопрос ставится не просто о развитии науки, а прежде всего о ее саморазвитии. Таким образом, подчеркивается актуальность синергетического стиля мышления, характеризующегося интегративностью, нелинейностью, бифуркационностью, усилением динамичности. Также этому стилю мышления свойственны тенденции к преодолению разрыва между естественными и гуманитарными знаниями.

В процессе становления в науке данного стиля мышления, формирование которого началось с конца 1980-х гг., появились понятия синергетической, пластичной рациональности, кардинально отличающиеся от классических представлений о рациональности. Таким образом, возникла более подвижная система норм научной рациональности, соразмерная современному состоянию науки, философии и культуры [4, с. 32–34].

Освоение синергетических идей в контексте их использования в нормах научной рациональности позволило пересмотреть многие традиционные представления о целях и приоритетах в развитии науки, культуры и образования как на локальном, так и на глобальном уровнях. Изменились оценки научных достижений, образовательных практик и технологий, академических взаимодействий. Все большее значение приобретают не столько количественные, сколько качественные гуманитарные параметры научно-академической деятельности, которые в соответствии с синергетической рациональностью позволяют достичь эффекта социокультурной привлекательности науки и образования. В этом контексте наличие академических свобод, уровень развития академической культуры, высокое качество образовательного продукта, экологичность образовательных инноваций играют важную роль. Эти и другие академические ценности органично взаимосвязаны с синергетической нелинейной методологией мышления и действия. Научно-академическая среда, с точки зрения синергетики, представляет собой открытую и незамкнутую совокупность спонтанных трансформаций, что предполагает использование гибких и альтернативных решений в управленческой деятельности, основанных на профессиональной компетенции и нелинейной интуиции, использовании информационно-коммуникационных технологий и компьютерного моделирования [4, с. 35–36].

Знания синергетики, социосинергетики и когнитивных наук в сочетании с философской рефлексией позволяют говорить о том, что творческие способности человека составляют ядро научно-академической деятельности. Так, например, создатель теории аутопоэзиса философ Ф. Варела, перенимая синергетический подход для осмысления творчества, отмечает, что такие бифуркационные состояния, как

кризисы в творчестве, неизбежно приводят автора к новому пониманию действительности [5, с. 121].

Однако принятие синергетического типа мышления в качестве основы для нового типа рациональности имеет свои особенности. Синергетическая множественность, плюрализм подходов и практик ведут к тому, что новый тип рациональности может допускать в сферу знания промежуточные результаты познания, истинность которых не установлена [6, с. 330–331]. В связи с этим возникают трудности в определении критериев научности и фиксации норм научной рациональности. Все они нуждаются в пересмотре. Также утверждение синергетики о «творческой и созидательной природе хаоса как неотъемлемого компонента в структуре любой сложной и самоорганизующейся системы» [7, с. 168] является весьма спорным. Адепты синергетического стиля мышления (Г. Хакен, И. Пригожин, А. А. Самарский, С. П. Курдюмов, Е. Н. Князева) подчеркивают, что нестабильность и неустойчивость систем, находящихся в хаотическом состоянии, делает их чрезвычайно чувствительными к управлению. Однако следует критически и взвешенно относиться к экстраполяции синергетической методологии на область социокультурных явлений и процессов. С одной стороны, синергетическая картина мира указывает на важность динамизма и нестабильности, что вполне оправдано, а с другой – она содержит в себе релятивистские и иррациональные установки, радикально поляризует себя и классические версии научного и культурного творчества.

Чтобы избежать релятивистских рисков в понимании научной рациональности, синергетическое видение ее норм можно дополнить их интерпретациями в социокогнитивной и коммуникативной парадигмах.

Представители социокогнитивной парадигмы (В. С. Стёпин, В. Н. Порус, Дж. Холлтон, В. Ньютон-Смит и др.) «признают субъект-объектное рассмотрение научной рациональности, а также необходимость ее выражения определенными нормативами, регулятивами и критериями, которые призваны не только специфицировать научную рациональность в статике, но и репрезентировать ее динамику» [8, с. 48]. Все это исходит из взаимосвязи естественно-научного и гуманитарного знаний, надвосторонности норм научной рациональности, выраженных в фиксируемых характеристиках и регулятивах (объективность и предметность научного исследования, системный характер научного познания, направленность научного познания на генерацию нового знания, истинность полученного знания, доказательность, обоснованность, непротиворечивость и т. д.) [8, с. 48–49].

Коммуникативная парадигма характеризуется совокупностью исследований, в которых внимание сосредоточено на субъект-субъектной природе рациональности, она не рассматривается в нормативном

аспекте. Для ее изучения в контексте коммуникативной традиции выделяются два направления: крайний коммуникативизм (тяготеет к релятивизму и развивается преимущественно в ключе прагматистских концепций Р. Рорти и Х. Патнема) и умеренный коммуникативизм (рассматривается в моделях коммуникативной рациональности – это теория коммуникативного действия Ю. Хабермаса, теория интерсубъективности К. Хюбнера).

Коммуникативный анализ норм научной рациональности осуществляется в основном в рамках социально-гуманитарного знания и содержит следующие компоненты: познание, интуиция, чувственность, субъективность, конвенциональность. Ключевое место в данной парадигме занимают понятия научной коммуникации и научно-академического сообщества. Они сосредоточены не столько на поиске истины, сколько на человеческом измерении знания, производимом с учетом ценностей, социального интереса и жизненного мира исследователей. Коммуникативная рациональность возникает в процессе интеракции (без нее она не существует) и представляет собой творческий и открытый процесс их взаимодействия в общем научно-академическом дискурсе. Для Ю. Хабермаса коммуникативная рациональность – это ориентация субъектов на свободное от принуждения взаимопонимание, возникшее в процессе дискурса, под которым подразумевается тематическое пространство аргументации и рефлексии, произведенных на основе выдвижения и реализации универсальных притязаний на значимость любой коммуникации, характеризующуюся понятностью речи, истинностью знания, правдивостью намерения и правильностью действия, смысл значимости которых состоит в возможности их интерсубъективного признания [9, с. 236–238].

К. Хюбнер пишет о проявлении рациональности через интерсубъективность, под которой он понимает некую историческую общезначимость, обеспечивающую продуктивную интеллектуальную коммуникацию. Автор выделяет пять ее основных форм: семантическую (приемлемость понятий и суждений); эмпирическую (обоснованность высказываний эмпирическими фактами); логическую (обоснованность высказываний логическими выводами); операциональную (воспроизводимость видов деятельности) и нормативную (общее согласие относительно правил и норм поведения) [10, с. 260–267]. Однако следует отметить, что такое отождествление рациональности с интерсубъективностью допустимо лишь в случаях, когда речь не идет о собственно

научной рациональности, поскольку при ее анализе недостаточно только опираться на интуицию интерсубъективности.

Таким образом, в коммуникативной парадигме новый тип рациональности конституируется в процессе самого дискурса в ходе субъект-субъектного взаимодействия и в дальнейшем оказывается свободным от готовых правил, критериев, норм, а тем самым становится открытым для творческого проникновения и новаций.

Сопоставляя социокогнитивную и коммуникативную парадигмы, следует исходить из их взаимодополнительности, которая понимается не только как сочетание взаимно сопряженных по смыслу описаний и объяснений норм научной рациональности, но и как фундаментальный принцип построения современного типа рациональности.

Итак, нормы научной рациональности в контексте академического дискурса нужно рассматривать только в сопряженности синергетической, пластичной, социокогнитивной и коммуникативной моделей рациональности. По отдельности данные модели нельзя считать самодостаточными, так как только в их взаимодополнительности можно обосновать и утвердить в культуре новый тип рациональности, который открывает себя в современном мире как субъект-субъектная рациональность, расширяет возможности для интерпретации рациональности через дискурсивные практики, коммуникативные характеристики, академические нормы и правила.

В сфере научной и образовательной коммуникации, где свое проявление находит академический дискурс, нормы научной рациональности должны предстать в виде открытой, нелинейной самоорганизующейся динамической системы, способной обеспечить возможность проведения академического дискурса с соблюдением правил и норм научной коммуникации, а также гарантировать непрерывное воспроизводство науки в трансформирующемся мире современной культуры. Выступая значимым субъектом интеракции в коммуникационном поле современной культуры, университет как социальный институт в лице научного сообщества является носителем научной рациональности, эксплицируемой в объективных устойчивых характеристиках научной и образовательной деятельности, а также в открытости инновационным размерностям современного мира. БГУ за свое вековое развитие сумел воспроизвести и сохранить творческую научную и образовательную среду для продвижения и реализации перспективных моделей рациональности.

Библиографические ссылки

1. Порус ВН. *Рациональность. Наука. Культура*. Москва: Университет российского инновационного образования; 2002. 121 с.
2. Сайганова ВС. Нормы навуковай рацыянальнасці ў кантэксце сучасных філасофска-метадалагічных даследаванняў. *Вышэйшая школа*. 2006;6:40–44.

3. Стёпин ВС. *Философия науки. Общие проблемы*. Москва: Гардарики; 2006. 384 с.
4. Зеленков АИ. Синергетический стиль мышления и перспективы пластичной рациональности. *Философия и социальные науки*. 2010;1:30–36.
5. Матурана У, Варела Ф. *Древо познания. Биологические корни человеческого понимания*. Данилов ЮА, переводчик. Москва: Прогресс-Традиция; 2001. 224 с.
6. Стёпин ВС. Синергетика в контексте постнеклассической рациональности. В: Малинецкий ГГ, редактор. *Горизонты синергетики: структуры, хаос, режимы с обострением*. Москва: ЛЕНАНД; 2019. с. 319–338.
7. Князева ЕН, Курдюмов СП. *Основания синергетики. Режимы с обострением, самоорганизация, темпомиры*. Санкт-Петербург: Алетейя; 2002. 414 с.
8. Сайганова ВС. Социокогнитивная и коммуникативная парадигмы в интерпретации норм научной рациональности. *Философия и социальные науки*. 2013;3–4:47–51.
9. Хабермас Ю. Теория коммуникативного действия (фрагменты). *Вопросы социальной теории*. 2007;1:229–245.
10. Хюбнер К. *Критика научного разума*. Касавин ИТ, переводчик. Москва: ИФ РАН; 1994. 326 с.

References

1. Porus VN. *Ratsional'nost'. Nauka. Kul'tura* [Rationality. The science. Culture]. Moscow: Universitet rossiiskogo innovatsionnogo obrazovaniya; 2002. 121 p. Russian.
2. Saiganava VS. [The norms of scientific rationality in the context of modern philosophical and methodological research]. *Vyshhejschaja shkola*. 2006;6:40–44. Belarusian.
3. Stepin VS. *Filosofiya nauki. Obschie problemy* [Philosophy of science. Common problems]. Moscow: Gardariki; 2006. 384 p. Russian.
4. Zelenkov AI. Synergetic style of thinking and the prospects of flexible rationality. *Philosophy and Social Sciences*. 2010;1:30–36. Russian.
5. Maturana U, Varela F. *The tree of knowledge. The biological roots of human understanding*. Boilder: Shambhala; 1992. 272 p.
Russian edition: Maturana U, Varela F. *Drevo poznaniya. Biologicheskie korni chelovecheskogo ponimaniya*. Danilov YA, translator. Moscow: Progress-Tradition; 2001. 224 p.
6. Stepin VS. [Synergetics in the context of post-nonclassical rationality]. In: Malinetskii GG, editor. *Gorizonty sinergetiki: struktury, khaos, rezhimy s obostreniem* [Synergetic horizons: structures, chaos, sharpening modes]. Moscow: LENAND; 2019. p. 319–338. Russian.
7. Knyazeva EN, Kurdyumov SP. *Osnovaniya sinergetiki. Rezhimy s obostreniem, samoorganizatsiya, tempomiri* [Foundations of synergetics. Regimes with aggravation, self-organisation, tempo-worlds]. Saint Petersburg: Aleteiya; 2002. 414 p. Russian.
8. Saiganova VS. Interpretations of the norms of scientific rationality: social-cognitive and communicative paradigm. *Philosophy and Social Sciences*. 2013;3–4:47–51. Russian.
9. Habermas J. [Theory of communicative action (fragments)]. *Voprosy sotsial'noi teorii*. 2007;1:229–245. Russian.
10. Hubner K. *Kritik der wissenschaftlichen Vernunft*. München: Verlag Karl Alber; 1978. 341 p.
Russian edition: Hubner K. *Kritika nauchnogo razuma*. Kasavin IT, translator. Moscow: Institute of Philosophy of the Academy of Sciences of Russia; 1994. 326 p.

Статья поступила в редколлегию 28.07.2021.
Received by editorial board 28.07.2021.